

С. В. Бахрушин

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

ОТ «ДЕРЖАВЫ РЮРИКОВИЧЕЙ»
К МОСКОВСКОМУ ЦАРСТВУ

Санкт-Петербург
2025

ББК 63.3(2)41-45
УДК 94(47).021-035
Б30

Бахрушин С. В.
Б30 **Средневековая Русь: от «державы Рюриковичей»
к Московскому царству.** — СПб.: Евразия, 2025. —
336 с.

ISBN 978-5-8071-0651-3

В этой книге впервые после долгого перерыва переиздаются работы известного историка, члена-корреспондента Академии Наук СССР и действительного члена Академии педагогических наук РСФСР Сергея Владимировича Бахрушина (1882–1950), посвященные различным этапам формирования русской государственности X–XVI вв. Значительное внимание в своих работах автор уделял жизни и деятельности первого русского царя Ивана IV Грозного, биография которого была написана в 1942 г. и выдержала несколько изданий, но затем была признана идеологически тенденциозной и, в конце концов, оказалась полузабытой.

© Боровков Д. А., составление, предисловие, примечания, 2025

© Лосев П. П., дизайн обложки, 2025

© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2025

ISBN 978-5-8071-0651-3

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. А. Боровков. Предисловие</i>	5
«Держава Рюриковичей»	11
Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в.	36
Иван Грозный	107
I. Русское государство в конце XV — начале XVI в.	112
II. Боярско-княжеская реакция в малолетство Ивана IV	121
III. Реформы 1550-х гг.	132
IV. «Казанское взятие»	150
V. Разгром Ливонского ордена	167
VI. Опричнина	191
VII. Русский рынок в XVI в.	223
VIII. «Кризис» 1560–1570-х гг.	241
IX. Культура эпохи Ивана Грозного	259
«Избранная рада» Ивана Грозного	278
Список сокращений	334

Предисловие

Сергей Владимирович Бахрушин родился 26 сентября (8 октября) 1882 г. в Москве в купеческой семье Бахрушиных, происходившей из торговых крестьян города Зарайска, где она была известна со второй половины XVII в. В 1875 г. было основано «Товарищество кожевенной и суконной мануфактур Алексея Бахрушина сыновей», названное в честь прадеда будущего историка — предпринимателя А. Ф. Бахрушина, — основным капитал которого к концу XIX в. составлял 2 млн руб. Бахрушины были не только купцами, но и меценатами. Так, родной дядя С. В. Бахрушина А. А. Бахрушин стал основателем Литературно-театрального музея (ныне Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина), а двоюродный дядя А. П. Бахрушин собрал уникальную историческую библиотеку из 25 000 томов и большую коллекцию артефактов, которая после его смерти вошла в состав Румянцевского музея и Исторического музея.

С. В. Бахрушин получил образование сначала в Лицее цесаревича Николая, а затем в Московском

- 6 университете, где он учился с 1900 по 1904 гг. на кафедре русской истории под руководством М. К. Любавского — специалиста по истории Юго-Западной Руси и Литвы XIV–XVI вв. После написания выпускного сочинения «Социально-политические стремления московского боярства в XVI веке» С. В. Бахрушин был оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию. В дальнейшем история Московского государства в XVI столетии стала центральной темой его научных исследований, несмотря на то, что у него были работы, посвященные как более ранним, так и более поздним историческим периодам. Например, в 1909 г. в сборнике статей в честь академика В. О. Ключевского, лидера так называемой Московской школы историков, С. В. Бахрушиным была опубликована статья «Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в.». В том же году Бахрушин стал приват-доцентом Московского университета, где с перерывами проработал до конца жизни (с 1927 г. — профессор). Кроме этого в разные годы он был сотрудником библиотеки Государственного исторического музея и библиотеки Румянцевского музея (с 1925 г. — Библиотека имени В. И. Ленина).

С. В. Бахрушин активно занимался общественной деятельностью. С 1908 по 1918 гг. он был гласным Московской городской думы, в годы 1-й мировой войны стал членом Союза городов, созданного для оказания помощи раненым и беженцам, а в 1917 г. был избран его председателем. После Октябрьской революции 1917 г. историк дважды подвергался аресту, а после осуждения по сфабрикованному

«Академическому делу» в начале 1930-х гг. два года провел в ссылке в Семипалатинске (реабилитирован посмертно в 1967 г.). С 1936 г. был научным сотрудником Института истории АН СССР, где с 1942 г. заведовал Сектором истории СССР до XIX в., занимавшегося изучением феодальной формации. В 1939 г. избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1943 г. получил ученую степень доктора исторических наук без защиты диссертации; заслуженный деятель науки Узбекской ССР (1943), действительный член Академии педагогических наук РСФСР (1945).

С. В. Бахрушин стал одним из дореволюционных исследователей, которые после Октябрьской революции сумели методологически перестроиться и принять участие в разработке марксистской концепции генезиса феодализма на Руси, родившейся в ходе полемики с академиком Б. Д. Грековым, который также был учеником М. К. Любавского, а с конца 1930-х гг. в качестве директора Института истории АН СССР являлся одним из руководителей советской исторической науки. В цикле статей 1936–1938 гг. С. В. Бахрушин выступил с критикой грековской концепции генезиса феодализма на Руси в крупновотчинной форме, датированного IX–X вв. По Бахрушину, в этот период у восточных славян существовала военная демократия «дофеодального» периода, которая была охарактеризована как «держава Рюриковичей» по аналогии с популярным в советской историографии 1930–1940-х гг. термином К. Маркса «империя Рюриковичей». Формирование феодального

- 8 государство было отнесено С. В. Бахрушиным к княжению Владимира I и Ярослава I, после чего в середине XI в. наступил период феодальной раздробленности.

В результате дискуссии о генезисе феодализма, состоявшейся в 1939 г., Бахрушин в целом поддержал периодизацию грековской концепции. В то же время в своем научном творчестве он следовал методологическим установкам, публиковавшимся в работах И. В. Сталина, влияние которых заметно не только в построениях о «дофеодальном» периоде на Руси, но и в исследованиях социально-политической истории Руси XVI столетия, в которых с 1940-х гг. на первый план выходит изучение деятельности Ивана IV Грозного: ему посвящена монография «Иван Грозный» (1942, 2-е изд. — 1945), позже переизданная под названием «Самодержавие Ивана IV» (1946). Эта работа хотя и имеет конъюнктурно-апологетический характер, однако представляет интерес как историографический памятник своего времени. Историографическое значение не утратила и статья С. В. Бахрушина о деятельности «Избранной рады» 1547–1560 гг. во главе с Сильвестром и А. Ф. Адашевым при дворе Ивана IV как о «правительстве компромисса» между интересами боярства и дворянства, которая была опубликована в 1945 г. в журнале «Исторические записки». Ключевой работой С. В. Бахрушина по изучению социально-экономической истории Московского царства стала незавершенная монография «Русский рынок в XVI в.», опубликованная посмертно под названием «Очерки истории ремесла, торговли и городов

русского централизованного государства в XVI — начале XVII вв.» в I томе его «Научных трудов» (М., 1952).

С. В. Бахрушин был соавтором ряда коллективных трудов советских историков («История Москвы», «Очерки истории СССР. Период феодализма» и др.). За участие в подготовке I тома «Истории дипломатии» был награжден Сталинской премией за 1942 г. Кроме того, С. В. Бахрушин подготовил к печати ряд исторических источников, включая «Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных» (М., 1909), «О Москве Ивана Грозного» Г. Штадена (М., 1925), «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.» (ч. 1, М., 1951) и др.

Стоит упомянуть еще об одном направлении научной деятельности С. В. Бахрушина — изучении истории народов Сибири и Средней Азии, которое было начато им в 1910-х гг., но более полно раскрылось с 1920-х гг., когда стало актуальным исследование истории коренных народов бывшей Российской империи. Среди его многочисленных трудов по этой теме выделяются «Казачи на Амуре» (1925), «Исторические судьбы Якутии» (1927), «Очерки по колонизации Сибири в XVI–XVII вв.» (1927), «Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв.» (1935), а также опубликованная посмертно в IV томе «Научных трудов» незавершенная монография «Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в.» (1959).

С. В. Бахрушин скончался в Москве 8 марта 1950 г. от воспаления легких после того как простудился

- 10 на похоронах одного из своих учеников — профессора К. В. Базилевича¹.

После публикации «Научных трудов» С. В. Бахрушина в четырех томах (пяти книгах) в 1952–1959 гг. его работы издавались в виде сборника лишь однажды, в книге «Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма» (М., 1987), подготовленной к печати А. М. Дубровским. Все сочинения С. В. Бахрушина, из которых составлено настоящее издание, опубликованы по тексту из тома II «Научных трудов» (Статьи по социально-экономической и социально-политической истории русского централизованного государства XV–XVII вв. М., 1954), кроме статьи «Держава Рюриковичей», которая публикуется по тексту из журнала «Вестник древней истории» (1938, № 2).

*Кандидат исторических наук
Д. А. Боровков*

¹ Подробнее о жизни и деятельности С. В. Бахрушина см. в кн.: Дубровский А. М. С. В. Бахрушин и его время. М., 1992; Тихонов В. В. Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. СПб., 2012.

«Держава Рюриковичей»

Одной из очередных проблем, привлекающих за последнее время внимание советской исторической науки, является проблема генезиса феодализма в древней Руси. По справедливому замечанию Б. Д. Грекова, «без решения этой задачи нельзя построить правильного представления о русском историческом процессе в целом»¹. При изучении истории зарождения феодальных отношений в Киевской Руси должно было неизбежно поставить на очередь вопрос о социальном политическом строе «державы Рюриковичей», как Маркс называл этот период в истории Восточной Европы, охватывающий двухсотлетний промежуток времени от середины IX в. до середины XI в. В «Secret diplomatic history of the XVIII century»² Маркс дал блестящую и тонкую концепцию этого периода, который он

¹ Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л. 1935. С. 3.

² Издано в Лондоне в 1899 г. [Рус. пер.: Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 1–4. — Примеч. сост.].

- 12 называл «готическим» (т. е. варварским). Набросанная широкими и яркими чертами картина «империи Рюриковичей», при всей своей краткости, заключает в себе ряд тонких мыслей, намечает разрешение сложнейших научных задач. Естественно, что исследователь, работающий над историей генезиса феодализма, не может пройти мимо этих брошенных мельком, но полных глубокого содержания суждений, не может не попытаться понять и истолковать гениальные намеки, разбросанные на страницах названного сочинения. Невольно исследователи вносят в понимание концепции Маркса много своего, субъективного. Неудивительно поэтому, что вокруг сжатых и отшлифованных фраз «Секретной дипломатической истории» разгорались горячие прения и дискуссии, как мы это видели на пленуме ГАИМК в апреле 1933 г. в Ленинграде и на пленуме МОГАИМК в октябре 1934 г. в Москве³.

Трудность поставленного вопроса в значительной степени обусловливается скудостью наших источников. В основу изучения истории державы Рюриковичей приходится класть повесть о первых князьях, вошедшую в Начальный летописный свод⁴. Повесть эта дошла до нас в двух редакциях: в Новгородском своде (Новгородская первая летопись) мы имеем более архаический текст, хотя

³ Бахрушин С. В. Некоторые вопросы истории Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. № 3.

⁴ Я не касаюсь вопроса о том, имеем ли мы дело с самостоятельной повестью, существовавшей первоначально независимо от свода, или с органической частью свода, как думал А. А. Шахматов.

и подвергшийся некоторым изменениям благодаря вставкам, легко, впрочем, поддающимся выделению. В Киевском своде (Лаврентьевская летопись) та же повесть сохранилась уже в значительно переработанном виде, с обширными позднейшими дополнениями, поправками и перегруппировкой материала. Даже древнейшая редакция повести не может быть отнесена ко времени раньше первой половины XI в. (княжение Ярослава), т. е. на 100–200 лет позже описываемых событий. К тому же повесть далеко не представляет собою простодушного пересказа преданий; в ней проводится определенная политическая тенденция, имеющая целью возвеличение династии Владимира Святославича, и этой тенденции подчинено все изложение. Единственный современный источник на древнерусском языке, дошедший до нас, — договоры Олега, Игоря и Святослава с греками, — далеко не подтверждает сообщений летописной повести и часто им противоречит, но по самой своей задаче такого рода источники не дают ни достаточно полной картины социальных отношений в Приднепровье X в., ни, тем более, фактической истории Восточной Европы в эту эпоху. Дополнением к местным источникам служат иностранные источники, которые, однако, сообщают крайне односторонние сведения о Восточной Европе. Греческие хроники ограничиваются описанием набегов Руси на Константинополь и на берега Черного моря. Только Константин Багрянородный пытается обрисовать внутренний строй Приднепровья — полудье, торговые поездки Руси в Грецию, взаимные отношения между Русью и славянскими племенами.

- 14 Известия арабских писателей с трудом поддаются вполне точному истолкованию вследствие компилятивного характера многих из них и в силу особенностей арабской транскрипции имен.

В настоящее время делаются попытки привлечения археологического материала для разрешения поставленной проблемы, и параллельное изучение письменных и археологических памятников обещает открыть новые и интересные перспективы. Однако главная масса археологических данных, которыми оперировала до сих пор историческая наука в этом вопросе, почти не идет глубже конца X в.⁵ С другой стороны, в трактовке археологического материала возможна очень большая субъективность. Так, известный шведский археолог Арне⁶ построил на нем в высшей степени тенденциозный вывод о сильном проникновении скандинавского элемента в Восточную Европу, вывод, который противоречит всем объективным данным и справедливо опровергается советской археологической наукой.

Первый вопрос, который приходится разрешать на основании скудного и требующего большой критической проверки материала, это вопрос об общественном строе славян в IX–X вв., в момент появления среди них варягов. Еще недавно некоторые выдающиеся специалисты по истории Киевской Руси склонны были считать, что уже тогда у славян

⁵ См. сводку археологических данных у Б. Д. Грекова: Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л. 1937. С. 44–47.

⁶ *Arne T. J. La Suede et l'Orient. Upsal, 1914.*

господствовали феодальные отношения. В настоящее время среди большинства советских ученых нет, по-видимому, разногласия относительно того, что в изучаемую эпоху мы имеем у приднепровских славян разложение родовой общины, которую сменила территориальная община типа «марки», как ее определяет Энгельс. В законодательстве второй половины XI в. уже нет намеков на общинное владение пашней, но наряду с бортьями, находившимися в частном владении, есть указание на общинные бортные угодья⁷; Б. Д. Греков полагает, со своей стороны, что «луга, по-видимому, находятся еще в общем пользовании»⁸. Обычно считают, что «вервь» «Русской Правды» и соответствует понятию марки. Еще более сложным является вопрос о том, существовали ли государственные объединения на территории, занятой восточными славянами, до образования «империи Рюриковичей». Некоторые исследователи склонны считать государствами те племенные княжества, которые сложились у полян и у ильменских славян, по-видимому, в довольно раннюю эпоху. Эта точка зрения имеет за собою длинную традицию. Синописис XVII в. проводил

⁷ Это явствует из сопоставления 83-й статьи Карамзинского списка «Русской Правды», говорящей о меже бортной и имеющей, следовательно, в виду частновладельческую борть, со статьей 82-й, запрещающей уничтожать знамя на бортном древе, очевидно, в общинном лесу.

⁸ Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л. 1935. С. 21. Там же автор дает всестороннюю характеристику пережитков общины-марки в XI–XII вв. по «Русской Правде» (стр. 22–25).

- 16 такую мысль в отношении полян, а другое такого же типа историческое произведение конца XVII — начала XVIII в., так называемая Иоакимовская летопись, — в отношении славян новгородских⁹. Однако то немногое, что нам известно о восточнославянских княжествах в IX в., не позволяет нам делать таких категорических выводов. Летопись XI в. помнит лишь, что у каждого славянского племени в старину было свое «княжение»¹⁰. Такое княжение было и у полян, но о полянской княжеской династии в летописи имеются только необоснованные догадки, которые, строго говоря, нельзя даже относить к легендам. Имена полянских князей сочинены искусственно, в результате наивной попытки осмыслить названия географических урочищ: Кий получил свое имя по названию города Киева, а не наоборот, как это хочет показать летопись; Щек — от горы «иде же ныне зовется Щековица»; Хорив — от горы, которая будто бы «от него же прозвася Хоровица»; даже сестре трех князей-эпонимов было присвоено имя от речки Лыбеди. Сводчик, внесший все эти имена в летопись, сам вскрыл те наивные «научные» приемы, посредством которых создавались подобные исторические концепции. Оказывается, версия, которую он принял, не была единственной в современной ему литературе. Другие авторы, «не сведущие», толковали название города Киева

⁹ Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 3-е Археологической комиссии. СПб., 1897. С. 9 (далее — Лаврентьевская летопись).

¹⁰ Там же. С. 8–9.

от имени одного «перевозника»: «у Киева бо бяше перевоз тогда с оной стороны Днепра, тем глаголаху: на перевоз на Киев»¹¹. Эта версия, по существу, ничем не лучше и не хуже той, которая попала в летопись и благодаря этому была легализована в позднейшей исторической литературе. О новгородских князьях в древнейших летописях вообще ничего неизвестно, и имя Гостомысла появляется лишь в поздних списках.

Итак, мифические имена древних славянских князей едва ли могут служить достаточным основанием для утверждения существования у полян и новгородцев государственной организации уже в IX в. Летописный рассказ показывает лишь, что в XI в., еще смутно помнили о существовании своих князей, от которых не сохранились даже имена. Более точные сведения мы имеем о племенных князьях у древлян в X в. Легенда помнит о местных древлянских князьях, которые «распасли суть Деревьску землю»¹². Но и тут может быть речь лишь о племенных князьях-предводителях, а не о древлянском государстве. В Древлянской земле упоминается несколько князей, среди которых Мал был только главным. Это скорее «патриархальные главы племени»¹³, «старейшины», как их в одном случае называет летопись¹⁴, чем правители государства.

¹¹ Синописис. СПб., 1746. С. 18–21. Иоакимовская летопись напечатана В. Н. Татищевым в его «Истории Российской». СПб., 1768. Т. I. Ч. 1. С. 29–50.

¹² Лаврентьевская летопись. С. 54.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. [М.], 1934. С. 12.

¹⁴ Лаврентьевская летопись. С. 58.

- 18 По сравнению с киевским князем, который «аки волк восхищая и грабя», древлянские князья «добри суть», т. е. племя не испытывало с их стороны той тяжелой эксплуатации, которой оно подвергалось со стороны киевского князя; дело ограничивалось, вероятно, «почетными приношениями», о которых пишет Энгельс¹⁵.

Все это соответствует «высшей ступени варварства», но не более. Племенное княжество, несомненно, таило в себе зародыш будущей государственной организации, но для данной эпохи отождествлять его с государством, даже примитивным, конечно, еще нельзя.

Летопись XI в. представляет дело так, что государство у восточных славян возникло в результате призвания варягов из Скандинавии. Такая концепция была нужна придворным киевским историкам, чтобы, во-первых, возвысить княжескую династию над народной массой, выделив ее из общего состава населения, и, во-вторых, доказать законность княжеской власти, созданной не путем принуждения и насилия, а вследствие добровольного призвания предка княжеского дома. Эта тенденциозная заостренность рассказа о «призвании» первых князей оказала большое воздействие на дворянскую и буржуазную историографию XVIII и XIX вв. Образование «государства Российского» выводилось именно из факта призвания Рюрика, Синеуса и Трувора. В 1862 г. в память тысячелетия Русского

¹⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. [М.], 1937. С. 188.